

На следующий день они отправились в поместье. Анна молча сидела на лошади впереди мужа.

— Не тревожься, сердечко моё, — накрыв своей рукой её руку, улыбнулся Сергей, — я ни за что не позволю тебя обидеть!

— Меньше всего я беспокоюсь за себя, — отвечала Анна и подняла на него задумчивый взгляд.

— Так почему же ты печальна? — стараясь говорить бодрым тоном, спросил Сергей.

— Я... спрашиваю себя, правильно ли я поступила... Не навредит ли тебе брак со мной? — с нескрываемой печалью прозвучал голос Анны. — Марья Фёдоровна хотела бы видеть рядом с тобой девушку знатного рода...

— Любовь моя! Мне наплевать на мнение тётки. Главное — наши чувства друг к другу... Я же говорил тебе это сотни раз. Клянусь, я готов прямо сейчас увезти тебя в Петербург без всяких объяснений! — глаза Сергея яростно сверкнули, словно он сдерживал какой-то внутренний огонь. С тревогой заглянув в лицо жены, Петрушевский прямо, с волнением спросил: — Ведь ты любишь меня... или... ты сомневаешься в своих чувствах?

— О, нет! — воскликнула Анна, её руки взлетели к нему на шею, прямо глядя на него, отбросив своё обычное смущение, она пылко призналась: — Я люблю вас всем сердцем! И не вынесу разлуки с вами!

Видимо, от волнения и переполнявших её чувств она вдруг обратилась к нему на «вы». Это так тронуло Сергея, что у него перехватило дыхание от счастья.

— Разлука, разлука... опять тревожные мысли бродят в твоей хорошенькой головке, — усмехнулся он, целуя её.

Слова жены его взволновали, до этой минуты она держалась с излишней, как ему казалось, скромностью. Но сейчас её истинные чувства выплеснулись так открыто с присущей ей детской непосредственностью, что он задохнулся от переполнившей его радости. О, как он любил в ней это качество! Анна не умела скрывать, если стеснялась в чём-то признаться, просто опускала взор и молчала. Но никогда он не видел в ней ни капли лжи, ни крупички той фальши, которую раньше часто встречал в женщинах.

— Никакой разлуки не будет! Слышишь? — его взгляд утонул в её глазах.

Анна, ничего не ответив, молча кивнула и прижалась к нему.

На удивление, тётка приняла их вполне благосклонно, хотя и довольно холодно. Как бы ей не хотелось этого, но разлучить их она уже была не в силах.

— Ты, голубушка, должна узнать кое-что, — неожиданно призналась Марья Фёдоровна прежде, чем отпустит их, — это касается твоих родителей. Да и ты, дорогой мой, тоже... Раз уж решился жениться на ней.

Она помолчала, обдумывая что-то, и заговорила с расстановкой, хмурая время от времени широкие поседевшие брови.

— Твой отец, Анна, Александр Войцеховский служил вместе с Владимиром, моим братом и отцом Сергея. Владимир вышел в отставку раньше, вернулся в родной дом, женился и вскоре овдовел. Александр же остался в армии. Он был из числа любителей приключений, — Марья Фёдоровна почему-то вздохнула. — Игрок, бретёр. Однако, через какое-то время он тоже

оставил службу и по приглашению Владимира приехал к нам. У Александра, хотя он и принадлежал к старинному польскому роду, не было никаких средств к существованию, что не диво при его темпераменте и образе жизни. Мой брат взял его к себе в управляющие. Справедливости ради надо сказать, Александр был человеком чести. С собой он привёз жену... черкесскую княжну, — лицо Марьи Фёдоровны исказила странная гримаса, словно её же собственные слова причинили ей боль. — Её предки принадлежали к числу тех пяти черкесских князей, которые ещё в 1562 году перешли на службу Польского короля, приняв католичество. Твоя мать, Анна, была католичкой... полячкой, но по крови черкешенкой. Её звали Елизаветой. Только Александр называл её по-польски — Эльжбета.

Марья Фёдоровна открыла ящик стола, достала из него миниатюру и протянула её Анне. С волнением та взяла в руки изящную вещицу. Едва взглянув на неё, вздрогнула. С портрета на неё смотрела... она сама. Те же огромные тёмные, как ночь глаза, светившиеся неподдельной искренностью и по-детски открыто смотревшие вокруг, тот же плавный разлёт тонко очерченных чёрных бровей, припухшая нижняя губа, чуть выдающаяся вперед, трогательно нежный овал лица.

Сергей, поддержав жену за плечи, усадил её в кресло.

— Это... моя мама? — тихо спросила Анна. В её глазах стояли слёзы.

— Да, — кивнула Марья Фёдоровна. — И ещё вы должны знать, — она вновь вздохнула, — я знала твоего отца, ещё будучи юной. Я влюбилась в него, но... меня выдали замуж за другого. Я не противилась, зная что моё чувство безответно... А когда увидела его с твоей матерью... Словом, я возненавидела её. Она была воплощением всех моих страданий. Каждый день я видела, как он смотрит на неё, любит, восхищается. У них это было страстное чувство. По прошествии лет я понимаю, что между ними существовало слияние душ и тел, они дышали друг другом. Я же медленно угасала. Елизавета умерла родами... Александр растворился в своём горе. Казалось, он не замечал даже свою крошку дочь, тебя, Анна. И тогда я, уже схоронившая мужа и брата, занимавшаяся только племянником, приезжавшим иногда на каникулы, была вынуждена заняться и тобой. Вскоре Александр, будучи присмерти, попросил меня позаботиться о тебе. Его родные давно умерли, он был один в целом свете, родные же Елизаветы отказались от неё, не приняв брака с Александром. Для них он был мезальянсом. Я дала слово твоему отцу и, думаю, выполнила его сполна.

Марья Фёдоровна встала, выпрямляясь во весь свой высокий рост. В её большой, грузной фигуре было что-то величественное, так могла бы стоять императрица, глядя строгим повелительным взором на своих подданных.

— Ступайте, — приказала она, — мне нужно побыть одной.

Когда Сергей с женой оказались одни в своей комнате, он нежно привлёк Анну к своей груди. Покрывл поцелуями мокрое от слёз личико, прошептал в самое ушко:

— Вот оказывается откуда у тебя такие глаза, — он мягко улыбнулся, — персидские глазки...

Опасные...

— Опасные? — Анна удивлённо с улыбкой посмотрела на него.

— Да, опасные. Увидев их, я сразу пропал.

Он вспомнил, как прошлой весной, приехав в отпуск в деревню, в первый же день прогуливался по саду. Его мысли внезапно были прерваны шорохом, донёшимся из-за кустов сирени. Молодой человек тихо подошёл к ним и осторожно раздвинул густые ветки. Увиденное было неожиданным. (Специально для ) Прямо перед ним стояла девушка. Вначале

из-за её одежды — простого синего сарафана — он принял её за крестьянку. Но, приглядевшись, понял, что ошибся. В тонкой, изящной фигуре, вообще во всем её облике не было ничего похожего на облик крестьянки. Она растерянно смотрела на Сергея огромными чёрными глазами, сразу поразившими его своей удивительной глубиной, открытостью и каким-то странным печальным выражением.

— Кто вы? Хранительница сада? — улыбаясь, спросил он, не в силах отвести взгляд от персидских глаз.

Она ничего не ответила, лишь опустила голову.

— Я, наверное, испугал вас? — продолжал Сергей. — Простите мне мою неловкость...

— Нет, сударь... Вам решительно не за что извиняться, — наконец, ответила она.

— Анна, Анна! — донёсся вдруг до них чей-то голос.

— Простите, меня зовут, — пробормотала красавица и так же неожиданно исчезла.

Имя девушки показалось ему знакомым, будто он слышал его когда-то здесь, в доме тётки. «Неужели это она?», — подумал Петрушевский. «Да, наверное... Конечно, это она! Но... как изменилась...», — и словно в предвкушении чего-то хорошего Сергей внезапно улыбнулся.

Именно в ту самую минуту он навсегда попал в сладкий плен этих глаз.

Его признание смутило Анну, но её пальчики стали теребить застёжку его рубашки, то и дело проскальзывая в дырочки между пуговиц и шаловливо касаясь его обнажённой груди. Сергей осторожно поднял её подбородок и посмотрел в глаза. Прочитав там что-то, понятное ему одному, подхватил жену на руки, впился страстным поцелуем в манящие губки, словно опьянев от их вкуса, зашептал охрипшим голосом:

— Мой нежный ландыш...

И застонал, опускаясь с Анной на кровать. Взгляд его тёмно-синих глаз стал томным, подёрнулся поволокой, глаза Анны отвечали ему тем же, маня, призывая к себе, обещая унести к вершинам блаженства. Они быстро раздели друг друга.

— И это тоже, — с улыбкой попросила Анна, дотронувшись да его нижних панталон.

Он не заставил себя упрашивать. Охватившее их возбуждение было так сильно, что они не стали тратить времени попусту. Сергей привстал на полусогнутых ногах, перевернув Анну на животик, широко развёл изящные ножки, чуть согнув их в коленях, и удерживая на весу восхитительные бёдра, от одного взгляда на которые вскипала кровь, со всей страстью вошёл во влажный зовущий «цветок». «Бутон», такой маленький и горячий внутри, принял его с радостью, страстно вздрогнул, сжав любимую игрушку, затрепетал, подался навстречу. «Палаш» Сергея задвигался, всё ускоряя темп. Тонкая талия Анны выгибалась, стараясь плотнее прижать заветное местечко к «орудию» мужа, лопатки вздрагивали, а головка металась в россыпи роскошных локонов. Анна стонала, сжимая руками простыню. Из груди Сергея вырывались хриплые звуки.

Когда всё было кончено, Анна осторожно поцеловала Сергея в то место, которое минуту назад находилось в ней.

— Какой вкусный, — лукаво улыбнулась она и нежно лизнула его язычком.

Сергей опять застонал и напрягся. Он вдруг опрокинул жену на себя, так, что её «цветочек» оказался у его лица. Разминая руками упругие атласные ягодички, он погрузился губами в сладкую сердцевинку жены, а она в это время наслаждалась вкусом его огромной «конфеты». Почувствовав приближение быстрой развязки, Сергей развернулся сам и вошёл между любимых ножек, гостеприимно раздвинутых Анной.

Засыпая, он прижал Анну к себе, полностью укрыв её в своих объятьях, зарылся лицом в её косы, а она спрятала свои ножки между его ног.